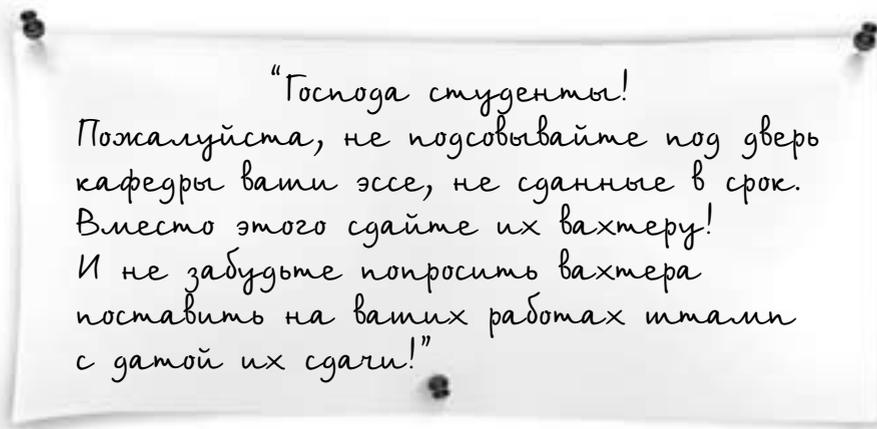

Поразительные факты про российскую школу или “просто поразилки”

А. С. Бикеева, преподаватель английского языка, автор книг и публикаций по вопросам образования, г. Самара

Просто шутка-быль:

В американском университете, на двери кафедры философии объявление:

Американец Крис привозил в школу г. Самары группы американских школьников в рамках российско-американского образовательного проекта. Наши ребята тоже летали в Америку и там посещали занятия в обычной общеобразовательной школе, директором которой Крис и являлся. Этот российско-американский образовательный проект длился несколько лет. Так что и американцы побывали у нас и наши школьники и преподаватели погостить у них успели несколько раз.

Во время пребывания американского директора у нас я и мои коллеги водили американского гостя по разным урокам и мероприятиям в нашей школе. По ходу каждого урока или мероприятия мы переводили ему суть происходящего. У нашего иностранного гостя случались иногда просто “поразилки”, которые мы с ним обсуждали в дружеской беседе.

Первое, что поразило иностранца – огромные размеры нашей российской школы, где перемешаны разновозрастные учащиеся: малыши, ученики среднего звена и старшеклассники. Американец и не знал, что такое бывает. Дело в том, что у них все раздельно: начальная школа, средняя школа и выпускная школа или “хай скул”. Все эти школы находятся в отдельно расположенных зданиях.

Удивился иностранец и нашей системе распределения школьников на строго фикси-

рованные классы с почти неизменным составом учащихся. У них-то совсем не так. На один учебный предмет идет один состав школьников, на другой – другой, на третий – третий. Он долго не мог понять, как же мы это сумели организовать, пока ему не растолковали про отсутствие выбора у школьников, какие предметы им изучать. В американских школах, за исключением двух-трех обязательных предметов, все остальные предлагаются школьникам на выбор. Последним фактом наши российские учителя были не просто изумлены, а крайне возмущены, правда, все возмущения высказывались в отсутствие иностранного гостя.

Следующим поводом для изумления иностранца послужило обилие предметов, которые школьники без всякого выбора просто обязаны изучать. В старших классах учебных предметов, к удивлению американца, оказалось больше десятка. Крис несколько раз пытался пересчитать учебные предметы в расписании старшекласников, думая, что каждый раз ошибается или чего-то не понимает. Затем, изумившись в очередной раз, что учебных предметов обязательного изучения все же больше десятка, он робко заметил: “Как же ваши школьники справляются с такими учебными нагрузками? Когда же они занимаются спортом, отдыхают, зарабатывают свои собственные деньги, наконец?”

Американец поведал нам “страшную” вещь, страшную

Первое, что поразило иностранца – огромные размеры нашей российской школы, где перемешаны разновозрастные учащиеся: малыши, ученики среднего звена и старшеклассники. Американец и не знал, что такое бывает!

для наших российских учителей. Оказывается, у американских и канадских старшеклассников в расписании на один учебный семестр стоит всего ЧЕТЫРЕ учебных предмета. Повторяю, ЧЕТЫРЕ! В следующем учебном семестре предметы могут смениться, но их будет все равно только **четыре** и не больше. Правда, учебных предметов, изучаемых в одном семестре, может оказаться и три, если школьник вдруг бросит один предмет, решив, что он для него слишком сложный или преподавание ему не понравится. У каждого школьника есть такое право. Уроки идут парами и у школьников одинаковые предметы каждый учебный день. Еще наш иностранец никак не мог понять, почему в нашем школьном расписании отсутствует большой часовой перерыв между занятиями для отдыха, на обед, на спортивные игры.

Надо сказать, что иностранец был крайне вежливым и очень осторожным в своих высказываниях. Иной раз мне приходилось долго допытываться, приставая к нему с вопросами, чтобы узнать его мнение. Просто так, по собственной инициативе он почти ничего не высказывал, опасаясь обидеть своих российских коллег. Тому, что мне удалось все же “раскрутить” иностранца на откровенность хотя бы по некоторым вопросам, во многом способствовал тот факт, что американский директор в течение трех недель жил в нашей семье. Таково было одно из условий совместного образовательного проекта и российско-американского обмена школьниками и педагогами – проживание в семьях принимающих сторон.

Наша российская школьная столовая нанесла следующий сокрушительный удар по воображению и мышлению иностранных гостей. Во-первых, американские дети совершенно не ели в нашей школьной столовой “щи да кашу – пищу нашу”. К киселям и компотам даже не притрагивались. Мы с ними просто измучились и постепенно стали всем педколлективом приносить из дома что-то домашнее, организовывая для иностранцев отдельные столы. В свою очередь, американские школьники просто шокировали работников нашей школьной столовой тем, что они заходили в любую зону столовой и, не спрашивая ни у кого, брали все, что видели, где бы это ни лежало. Правда, потом все равно почти ничего не ели. Наши “дородные столовские” работницы были просто возмущены подобным самоуправством, ведь они привыкли к принципу – ешь, что дают, и не самовольничай. Американские же дети вели себя свободно, незакомплексованно, ни у кого ни на что не спрашивая разрешений. Когда я с Крисом осторожно обсудила этот вопрос, то он мне резонно заявил: “Если детей постоянно заставлять спрашивать, что можно, а что нельзя, давая или не давая им разрешения на

элементарные вещи, то такие дети вырастают не смелыми и раскрепощенными, а, наоборот, крайне зажатыми, что очень плохо, так как они сами не способны принять простых решений”. Вот так. А думаем ли мы об этом в нашей российской школе? Или по-прежнему строим наших детей рядами и заставляем их ходить парами?

Вообще же Крис был довольно терпелив и подчеркнуто сдержан в отношении нашей школьной столовой. Сколько я не допытывалась, он не произнес ни одного плохого слова о предлагаемой школьникам пище. Но все же один раз мне удалось застать иностранного гостя врасплох, когда я за ланчем вдруг неожиданно спросила его: “Знаю, что все национальные кухни очень отличаются друг от друга. Что вас поразило и удивило в нашей школьной столовой?” От неожиданности он честно и прямо ответил: “В вашей столовой совершенно отсутствует выбор еды. Здесь как будто действует принцип – ешь, что дают, а то останешься голодным. А что делать, если человек, пришедший в вашу столовую, к примеру, вегетарианец? Или, скажем, не ест тот или иной продукт по религиозным соображениям, либо по предписанию врача? У вашего школьника нет выбора в принципе. Он оказывается перед дилеммой – либо есть то, что дают, либо оставаться голодным. Ведь часовой перерыв на обед, в течение которого школьники могли бы сходить на обед, к примеру, в ближайшее кафе или домой, у вас тоже отсутствует. И с собой, как я заметил, ваши школьники не приносят в школу завтраки. Да и разогревать их было бы нелегко. Я нигде тут у вас не видел микроволновок, для этого предназначенных. Хотя, может быть, это и не плохо, так как такая политика направлена на сохранение здоровья подрастающего поколения. И она, надо признать, дает видимый результат”.

“А почему вы решили, что от такого положения дел есть положительный результат?”

“Я заметил, что все ваши школьники, в основном, худые и подтянутые. Многие же из наших ребят – с избыточным весом. Может быть, действительно нельзя позволять ребятам есть то, что они хотят? Но лично мне никогда не приходило в голову, что это можно организовать в школе вот так централизованно. Очень любопытная у вас система школьного питания!”

Поразили нашего гостя уроки ручного труда в разных классах. Он искренне восхищался искусными поделками наших школьников и даже собрал небольшую коллекцию сувениров и разных изделий, сделанных ребятами своими руками. Наш гость сказал, что непременно повезет эту коллекцию домой, чтобы продемонстрировать ее американским коллегам. Он честно признался, что их школьники не умеют так хорошо работать

Поразили нашего гостя уроки ручного труда в разных классах. Он искренне восхищался искусными поделками наших школьников и даже собрал небольшую коллекцию сувениров и разных изделий, сделанных ребятами своими руками.

руками, мастера разные вещи. По его словам, то, что сделали наши пятиклассники, пожалуй, под силу только американскому выпускнику школы, да и то не каждому.

Следующее удивление, случившееся с нашим иностранным гостем, было вызвано обилием, как он сам выразился, уборок, ремонтов, покрасок и т. п., осуществляемых в школе самими ребятами совместно с учителями. Директор американской школы сказал: “И как это только у вас получается – организовать школьников на все эти работы?! И еще более удивительно, что ваши учителя безотказно работают рука об руку со своими учениками. Я даже себе не представляю, каким образом я бы смог уговорить своих учителей, например, мыть вместе с ребятами полы в учебных аудиториях, красить парты или ремонтировать школьную мебель. И почему ваши учителя не отказываются все это делать?”

Мне подумалось: “Они бы, может быть, и отказались, да их согласия никто, к сожалению, и не спрашивает”.

Вообще-то, что касается наших российских учителей, было несколько “поразилок”, сразивших иностранца наповал. Вот некоторые из них.

Крис заметил, что наши учителя проводят в школе очень много личного времени. Гость спросил: “У ваших учителей почасовая оплата?” “Да, – объяснили мы. – Но только за проводимые уроки”.

“Почему же тогда ваши учителя не уходят домой сразу со звонком?”

Я не нашлась, что ответить, а он продолжал свои рассуждения: “Наверное, они так любят свою работу, что работают, как вы, россияне, иногда говорите, для души, а не за деньги. Я слышал, такое в России часто случается. Вы не придаете деньгам такого большого значения, как мы, американцы”.

Иностранец отметил, как все учителя красиво одеты, причесаны и подкрашены. Крис спросил дважды, всегда ли наши российские учителя выглядят на работе подобным образом или это только из-за американских гостей. Пришлось честно и, надо сказать, не без удовольствия признать, что наши учителя стараются всегда хорошо выглядеть.

Наш гость с удивлением отметил полное преобладание в российских школах учителей-женщин. А на наш вопрос, как дело обстоит у них, он объяснил, что в начальной школе у них тоже большинство учителей – женщины. В средней и выпускной школах, пожалуй, поровну. А в колледжах и университетах уже больше преподавателей мужчин.

Директор американской школы с удивлением отметил желание российских учителей учиться, посещать

разные семинары, курсы повышения квалификации, лекции, занятия в свое личное время, которое, как он изумленно выяснил, совсем учителям не оплачивается. Он объяснил: “Мне, как директору школы, пришлось бы делать солидные доплаты к учительским зарплатам, чтобы уговорить, убедить своих коллег посещать какие-либо курсы или занятия. И то я не уверен, что они бы безоговорочно на это пошли. В ваших учителях чувствуется просто какой-то фантастический энтузиазм работать. У наших – такого нет”.

В крайнее недоумение повергло гостя полное отсутствие у российских учителей специальных льгот и страховок по здоровью и особенно в стоматологии. “И почему ваши учителя соглашались без этих льготных медицинских страховок работать?” – недоумевал Крис.

Еще наш гость никак не мог понять, почему у школы отсутствует бассейн, школьный стадион, баскетбольная и волейбольная площадки, а также обычный школьный автобус. Да уж, их обычный школьный автобус является для нас делом совсем необычным.

Очень удивился иностранец, узнав, сколько устных экзаменов, зачетов, собеседований, опросов и т. п. проводится в нашей школе. В их системе образования, как известно, преобладающей формой экзамена является письменный тест. Гостю очень понравилась наша повсеместная система устных экзаменов и опросов, т. к. она, по его словам, во-первых, развивает речь, а следовательно, мышление школьников, во-вторых, способствует общению напрямую учащихся с учителем. “Только сколько же надо платить учителю, чтобы он сначала готовил весь материал к устным зачетам и экзаменам, а потом выслушивал каждого ученика и общался с ним индивидуально?” – спросил Крис. Мы же, в свою очередь, старались не акцентировать внимание гостя на вопросах оплаты учительского труда в России. Это уже совсем другая история – история российская, а не американская.

Американскому гостю очень понравились и внеклассные мероприятия. Он присутствовал на нескольких: “Праздник Букваря”, “Последний звонок”, “Выпускной вечер”. Да, это уж точно, таких мероприятий, красочных, ярких, хорошо организованных, продуманных и в тоже время искренних, очень трогательных и душевных не проводится ни в Америке, ни в Канаде, ни в Великобритании, о чем честно говорили многие наши иностранные гости из англоязычных стран. Правда, у них есть торжественные собрания, где вручаются школьные аттестаты, но все проходит более формально и официально и менее продолжительно, чем в России. Криса тронул до глубины души наш традиционный школьный праздник “Последний звонок”. Его очень

Следующее удивление, случившееся с нашим иностранным гостем, было вызвано обилием, как он сам выразился, уборок, ремонтов и т. п., осуществляемых в школе самими ребятами совместно с учителями.

удивило, что выступают на таком празднике и сами школьники, и учителя, и родители, причем выступают не сухо и протокольно, а очень неформально, искренне, от души. Наш гость поинтересовался, нанимаем ли мы театрального режиссера, чтобы поставить такие чудесные концертные номера и соединить их в единое театрализованное шоу. Ну, как тут объяснишь иностранцу, что все это делают те же школьные учителя за ту же мизерную зарплату. Ведь не поймет!

Очень удивила нашего гостя возможность для родителей подойти к завучу, директору школы и к любому учителю в любое время для обсуждения каких-то своих проблем. Он объяснил, что в их любимых школах, если вы хотите встретиться с учителем или администрацией школы, то нужно предварительно договориться об этой встрече, то есть назначить “аппойнтмент” (appointment). Просто так без предварительной договоренности вас никто не примет. А в заранее назначенной вам встрече будет точное указание времени и продолжительность встречи.

Поразила американского директора и помощь российских родителей, которую они оказывают школе безвозмездно буквально во всем – от уборки и покраски классных комнат до организации и проведения школьных праздников и вечеров. Как оказалось, в их школах такого почти не бывает, а если и случается, то редко и крайне дозированно, а не безразмерно, как у нас в российской школе.

Удивился наш гость обилию замечаний, указаний и инструкций, которые получают наши школьники не просто ежедневно, а ежесекундно. Крис также отметил категоричность и даже резкость высказываний наших российских учителей. Когда я попросила американца привести конкретные примеры, тем самым специально вызывая его на откровенность, он долго колебался, не желая, видимо, оскорбить своих российских коллег, и потом, на мой взгляд, привел не самые яркие примеры. Но тем не менее вот они.

Пример первый. «Вот, например, вы с такой легкостью произносите слово “инвалиды”, как бы припечатывая это определение к больным людям». В английском варианте беседы это была фраза “disabled people”, где действительно слово “disabled” было ударным.

«А как же надо говорить?» «Лучше сказать – “люди с некоторыми отклонениями». (В английском варианте это – “people with disabilities”), или “люди с особыми потребностями” (“people with special needs”). «В таких словосочетаниях главным все-таки является слово “люди”. Ведь они – прежде всего люди, просто немного другие, чем мы с вами, поэтому лишь после слова “люди” можно объяснять, что эти люди с некоторыми особенностями».

В английском варианте нашей беседы фраза, предложенная нашим иностранным гостем, звучит как “people with disabilities”, и в ней слово “люди” действительно является ударным.

Пример второй. Очень не понравилось нашему гостю слишком частое употребление глагола “должен” или “не должен” в речи взрослых. Мой собеседник рассказал об одной ситуации, которая случилась в парке, когда там гуляли российские и американские дети. Было очень тепло, погода была чудесная. Одна полная девочка из российских школьников съела четыре порции мороженого и пошла покупать пятую. Российская учительница бдительно ее задержала и довольно резко и нетактично сказала: “Ты не должна есть так много мороженого, у тебя и так избыточный вес”. Замечание было высказано российским педагогом громко при всех. А так как наша учительница была учителем английского языка, а у нас была между собой договоренность – в присутствии иностранцев по-русски не говорить, то замечание было сделано по-английски. Эта ситуация очень не понравилась

американцу, хотя он и не называл в своей речи имени учительницы, допустившей явную бестактность по отношению к подростку. Иностранец комментировал эту ситуацию осторожно и сдержанно.

«К примеру, вы говорите подростку: “Ты не должен есть так много мороженого!” Причем говорите это резко и безапелляционно. На мой взгляд, так нельзя говорить другому человеку в принципе, если, конечно, речь не идет о нарушении законов. Это – неприлично, оскорбительно, да и малоэффективно. Мы не можем другому человеку ничего запретить. Запретить что-то может лишь человек себе сам. То есть самому себе он может сказать: “Я не должен есть так много мороженого”». В английском варианте беседы речь идет об английском модальном глаголе “must”, значение которого “должен, обязан”. По мнению иностранца, этот глагол не следует употреблять в беседе с другим человеком, так как это звучит, как прямой приказ или категоричное запрещение.

“А как же надо сказать?” – спросила я.

«На мой взгляд, третьему лицу можно сказать в качестве доброго совета: “Тебе не следовало бы есть так много мороженого”». В английском варианте беседы речь идет о более мягком по значению модальном глаголе “should”, который переводится “следует”.

А мой собеседник, между тем, продолжал развивать свою мысль: «Далее, после того как вы что-то ненавязчиво, в дружеской форме посоветовали своему собеседнику, идет краткое объяснение, почему этого делать не следует, с аргументами и доводами, не обидными для человека и не задевающими его личность. Напри-

Очень удивила нашего гостя возможность для родителей подойти к завучу, директору школы и к любому учителю в любое время для обсуждения каких-то своих проблем.

мер: “Мороженое – высококалорийный продукт. В нем содержится много жира. Кроме того, в нем много разных синтетических добавок, типа эмульгатора, ароматизатора, стабилизатора и т. п. Интересно, ты прочитал, что написано на этикетке о химическом составе мороженого?” А закончить наше замечание третьему лицу о мороженом, после изложения своих доказательств, по-моему, надо не резко утвердительно предложением-приказом, а вежливо-вопросительным. Например: “Я прав?” Или: “Как ты думаешь?”»

Вот вам и краткий психологический анализ наших учительских замечаний, которые как стрелы летят в наших школьников ежеминутно. Американец сказал: “Иногда (скорее всего, он имел в виду часто) в ваших резких замечаниях и суждениях не чувствуется уважения к личности человека, на которого эти суждения и замечания направлены. И, вообще, зачем так много приказов детям?! Я прав?” Вот так, уважаемые российские педагоги!

Совершенно неизгладимое впечатление произвели на американского гостя наши школьные уроки литературы. Да, обычные уроки литературы по российской школьной программе. Для начала он очень удивился, что литература стоит отдельным предметом в нашем школьном расписании, и на нее отводится так много учебного времени во всех классах. Еще наш гость отметил, что российские школьники постоянно читают в коридорах школы, уткнувшись в разные книги и учебники, а также, что его привело в особое изумление, многие ребята все время что-то заучивают наизусть. Крис отметил это, как бесспорный положительный момент. Подобную картину вряд ли можно наблюдать в американской или канадской школе.

Мы водили американца на разные уроки в нашей школе.

По ходу уроков мы, учителя английского языка, переводили ему суть происходящего. Он, кстати сказать, был совершенно изумлен тишиной и отличной дисциплиной наших учащихся на всех уроках, особенно тем, что никто из ребят во время уроков не вскакивает со своих мест, не расхаживает по классу, не переговаривается, не пьет прохладительные напитки, не жует жвачки, шоколадки, леденцы и т. п. Удивило его и то, что все поднимают руку, когда хотят высказаться, никто никого не перебивает, все говорят по очереди. Был наш гость удивлен и тем, как стараются российские учителя донести свой предмет до учеников, эмоционально объясняя все ученикам, красочно преподнося учебный материал и пользуясь разными плакатами, картинками, учебными пособиями, схемами и карточками.

Криса также удивило, как терпеливо и обстоятельно отвечают российские учителя на многочисленные вопросы своих учеников. Он отметил: «Мои учителя не стали

бы отвечать на такое количество вопросов, многие из которых были явно бестолковыми. Американский учитель бы просто сказал ученику: “Внимательно читай задание!” И все. Ничего бы не стал объяснять повторно».

Присутствовал наш иностранный гость и на нескольких уроках литературы. Вот тут-то и случилось с ним главное удивление. В младших классах ребята обсуждали на одном уроке книгу Короленко “Дети подземелья”, а на другом уроке – рассказ Толстого “Гуттаперчевый мальчик”. Наш гость долго выспрашивал меня о содержании этих произведений, внимательно разглядывая иллюстрации в детских книжках. В старших классах мы с ним попали на урок литературы, посвященный творчеству Куприна с подробным анализом повести “Гранатовый браслет”. В другом классе речь шла о “Преступлении и наказании” Достоевского.

Американец удивился: “Разве можно давать детям читать такие серьезные книги да еще с плохим концом? Тем более заставлять их это делать в обязательном порядке? Ведь, насколько я понял, литература у вас – обязательный предмет во всех классах”. Честно отсидев на всех вышеперечисленных уроках литературы, Крис сказал: “Какие мрачные произведения! В них даже нет намека на надежду! И вы это считаете детской литературой?! Ведь все это изучают ваши дети в школьном возрасте в обязательном порядке”.

Иностранца просто поразили наши российские “Списки обязательного чтения”, которые выдаются ребятам в школе. Американец спросил: “Не слишком ли это сложно и психологически травматично для детского восприятия – сначала заставлять детей в обязательном порядке читать, а потом обсуждать в классе такие литературные произведения таких серьезных и совсем недетских авторов?”

Я попросила объяснений, и наш гость продолжил свои рассуждения: “В университете обязывать студентов читать подобные литературные произведения – еще куда ни шло! Да и то, у человека непременно должен быть выбор, что именно ему читать, какой учебный предмет изучать. Но в столь юном возрасте, как школьный! Ведь, насколько мне известно, ваши дети покидают школу в возрасте 17 лет. В наших школах ребята, кстати сказать, могут учиться до 21 года. Именно этот возраст, то есть 21 год, считается совершеннолетием. И то, мы такие тяжелые литературные произведения своих учеников читать не заставляем”.

“Вам не нравятся Достоевский, Куприн, Бунин, Солженицын?” – специально провоцировала я своего собеседника на дальнейшие откровения. Мой собеседник тут же поддался на мою провокацию и продолжил свои рассуждения: “Конечно, произведения Достоевского, Куприна, Бунина, Солженицына являются классикой

Еще наш гость отметил, что российские школьники постоянно читают в коридорах школы, уткнувшись в разные книги и учебники, а также, что его привело в особое изумление, многие ребята все время что-то заучивают наизусть.

мировой литературы. Бесспорно, они великолепно отражают психологию человека и жизнь России. В них, наверное, раскрывается загадка русской души, богатейший внутренний мир русских, их высокая духовность. С этим трудно спорить, но, вместе с тем, вся эта литература очень депрессивна. И она может сформировать пессимистический взгляд на жизнь и мир вокруг. А это – непоправимый вред психическому здоровью ребенка. И как только вы этого не боитесь!”

После одного из уроков литературы о творчестве Куприна, ребята подарили нашему гостю красивое издание “Гранатового браслета” в переводе на английский язык. Позже после прочтения данного произведения иностранец сказал: “Почему у вас такая грустная и печальная литература? А вы еще на школьных уроках начинаете подробно с ребятами анализировать, детально разбирать человеческие страдания, как будто смакуете их. И чего хорошего – копать в человеческом горе и боли?!”

Вот как, оказывается, воспринимают иностранцы нашу русскую литературу. Да уж, в нашей литературе очень мало комиксов – так горячо любимого ими жанра! Ну что ж тут поделаешь, у нас совершенно другая литература.

Очень удивительным показался американскому директору тот энтузиазм, с которым наши российские учителя старались в присутствии гостя увлечь, развлечь, завлечь и его, и школьников в “волшебную страну знаний”, изо всех сил стремясь сделать свой каждый урок интересным, репрезентативным и необычным. На мой вопрос: “А что, разве ваши учителя поступили бы не также?” американец ответил: “Если вы придете на любой урок в американскую школу, учитель ничего не изменит ни в плане урока, ни в собственном поведении. Более того, вы вообще рискуете остаться незамеченным.

И если, к примеру, у учителя было запланировано провести весь урок сидя, а тут вдруг к нему привели гостя, будьте уверены, с появлением последнего на уроке ничего не изменится. Учитель так и не встанет со своего стула. Нашим учителям и в голову не придет что-то стараться изображать, приукрашивать и вообще менять из заранее запланированного в присутствии гостя. И я, как директор, даже себе не представляю, каким образом я бы сумел их заставить этим заняться. Мне кажется, подобное мероприятие в принципе невозможно. У вас просто замечательные учителя!”

“А как вы полагаете, почему?”

“Здесь может быть два объяснения. Во-первых, хорошая профессиональная подготовка и высокая оплата

их труда и, как следствие, большая конкуренция на одно учительское место. Во-вторых, неимоверная любовь к детям и своей профессии. А, как известно, настоящая любовь бывает часто трудно объяснимой. Я не в состоянии объяснить ваших многих уникальных российских явлений, но они – чрезвычайно любопытны”.

Во время нашего трехнедельного общения с директором американской школы мы, российские педагоги, пытались с ним в свою очередь заговорить о проблемах педагогики и методики преподавания разных наук школьникам. Увы, тщетно! На все наши попытки поговорить на вышеобозначенную тематику американский директор неизменно от нее, этой тематики, уклонялся и отвечал приблизительно так: “Вы знаете, в нашей школе есть три баскетбольные команды”. На вопрос наших учителей иностранных языков, какие методы преподавания иностранных языков у него в школе являются приоритетными, он, как мне показалось, не очень поняв, о чем его спрашивают, ответил: “Надо, чтобы ребята занимались спортом. Вот в нашей школе, например, две бейсбольные команды...”

Наши настырные учителя иностранных языков настойчиво спрашивали американца: “А какие задачи вы ставите перед учителями иностранных языков, как директор учебного заведения?”

Американец ответил: “Ну, какие задачи, чтобы наши ребята, приехав, к примеру, на горнолыжный курорт смогли говорить в гостинице на иностранном языке, спросить, где находится прокат лыж и всего горнолыжного оборудования. Многие наши школьники увлекаются горнолыжным спортом. У нас в школе есть отличная команда горнолыжников. Ребята часто выезжают на различные соревнования”.

Мы уж не стали спрашивать директора американской школы о целях преподавания школьникам математики и физики, так как боялись услышать в ответ примерно следующее: “Главное в преподавании школьникам математики и физики – научить ребят верно рассчитывать силу своего удара. У нас многие ребята увлекаются боксом. В нашей школе существует отличный клуб любителей бокса. И наши ребята часто ездят на различные соревнования”. Ведь мы что-то подобное уже слышали несколько раз.

Да, спорт – это, конечно, хорошо. И здесь сказать можно только одно, что мы, россияне и американцы, со своими целями обучения и методическими приемами очень разные. Ну, что тут скажешь?! Два мира, два детства, две абсолютно разные системы образования.

Очень удивительным показался американскому директору тот энтузиазм, с которым наши российские учителя старались в присутствии гостя увлечь, развлечь, завлечь и его, и школьников в “волшебную страну знаний”...